

© О.К. ЛАГУНОВА

Тюменский государственный университет
eleshenka@yandex.ru

УДК 821.161.1.09

**ФЕНОМЕН ИЗБРАННИЧЕСТВА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
ЯЗЫЧЕСКОГО ТИПА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЫ
ПИСАТЕЛЕЙ СЕВЕРНОЙ АЗИИ 1980–1990-Х ГОДОВ)**

**PHENOMENON OF A CHOSEN PERSON IN A LITERARY TEXT
OF A PAGAN TYPE (BASED ON RUSSIAN PROSE WRITER
OF NORTH ASIA 1980-1990)**

Литературы коренных народов северной Азии (киргизская, ненецкая, хантыйская и ряд других), относящиеся к литературам традиционалистского типа или переходного от синкретического к традиционалистскому типу, закономерно опираются в своей аксиологии, поэтике и риторике на миф и фольклор. Эта связь хотя и фиксируется, но редко предметно и последовательно выявляется и исследуется, тем более на разнонациональном материале. Данная статья специфична именно таким подходом. Мифологическая картина мира, организуемая как движение от хаоса к космосу, требует от автора инструментария, убедительно для читателя обеспечивающего данный механизм. Феномен избранничества выступает в данной литературной культуре структурирующим текст элементом. В него технологически включаются особые художественные пространство и время, сюжетная ситуация, система персонажей, повествовательная композиция, речевой строй, ассоциативный фон. Однако эти средства поэтики системно подчиняются ценностному и риторическому заданию — убедить читателя и подсоединить его к авторской логике выговаривания высшей нравственной правды как правды общенародной. Знание этой правды и право выговаривания ее автору обеспечивается его посвященностью в Слово и дарованностью ему Слова Всевышним. Поэтому феномен посвященности в литературах данного типа имеет отношение не только к объектно-субъектной структуре текста, но и к авторскому мировидению. Оно же, в свою очередь, субстанциализируется (в гегелевском смысле), становится голосом общих готовых смыслов и сил, которые вечны, неустранимы, присутствуют в бытии и через бытие, а потому всегда находят избранного выразителя себя. Этот избранник, хотя и выглядит в кругозоре земной жизни как жертва, но сущностно он является вечным, вечно живым, как само Слово, которое он представляет в земной жизни. Это Слово одновременно содержит его поступок и действие, становящиеся Судьбой. Как избранник, он не может уклониться от данной Судьбы, герой ее лишь осуществляет, поэтому и быть индивидуализированным не может.

Literature of indigenous peoples of Northern Asia (Kyrgyz, Nenets, Khanty, and others), relating to the literatures of the traditional type, or the transition from a syncretic to traditional type, naturally rely axiology, poetics and rhetoric on myth and folklore. This link though committed, but rarely specifically and consistently identified and investigated, especially on the diversity of national material. This article is specific, precisely such an approach. Mythological picture of the world, by moving from chaos to cosmos, requires author's toolkit, to the satisfaction of the reader provides this mechanism. The phenomenon of status as the chosen acts of the literary culture structuring the text element. It technologically included special artistic space and time, plot situation, the system of characters, narrative composition, speech system, associative background. However, these poetical tools systematically subject to value and the rhetorical duty is to convince the reader and connect it to the author's logic pronouncing superior moral truth as truth nationwide. The knowledge of this truth and the right pronouncing its author is being devoted to the Word and gifts him the Words of the Almighty. Therefore the phenomenon being devoted to the literature of this type is related not only to the object-subject structure of the text, but also to the author's worldview. It, in turn, becomes substance (in the Hegelian sense), becomes the voice of finished common meanings and forces that are eternal, which is unavoidable, appear in Genesis and through Genesis, and therefore always find a favorite person expressing themselves. This chosen one, although it looks in the scope of earthly life as a sacrifice, but essentially he is the eternal, ever-living, the Word itself that he is in mortal life. This Word contains both his actions and action become Destiny. As the elect, he could not escape this Fate, the hero of her only carries out, and therefore cannot be personalized.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Хаос, космос, избранничество, пространство, Айтматов, Айпин, Неркаги.

KEY WORDS. Chaos, universe, selection, space, Aitmatov, Aypin, Nerkagi.

Тексты Ч.Т. Айтматова в отечественной гуманитаристике традиционно рассматриваются отдельно от литературного потока, они чаще всего мыслятся явлением уникальным, мировым по значимости, образцовым для культуры советской цивилизации. В постсоветский период, когда религиозный субстрат искусства слова вновь стал открыт для свободной рефлексии, обозначилась и перспектива языческого дискурса в качестве контекста художественных исканий киргизского писателя. Оказалось, что разделение географического азиатского пространства на север, середину и юг может быть весьма условным, что структуры религиозно-философской аксиологии различных народов (в частности, киргизов, ненцев, хантов) в рамках культуры русскоязычия мастеров слова могут быть вполне соотносимы и сопоставимы.

Нельзя сказать, что в русской филологии языческая версия художественного текста не имела опыта специального описания. Достаточно вспомнить классические работы М.М. Бахтина и О.М. Фрейденберг, чтобы понять основательность ориентиров данного направления рефлексии. Однако их работы были выполнены, как известно, на европейском материале, причем хронологически это были тексты, созданные до XX века. Поэтому развитие данной традиции на географически и хронологически новом материале закономерно и актуально.

Кроме того, плодотворно, на наш взгляд, установление определенных «мостов» между опытом аналитики так называемой онтологической прозы XX в. и обозначенными выше достижениями философско-эстетического и историко-генетического подходов к литературным феноменам. Существенным обстоятель-

ством здесь, однако, является то, что русская онтологическая проза воплощает с теми или иными вариациями именно христианскую версию должного бытия. Наблюдения же над языческой версией художественной картины мира мастеров слова второй половины XX в. еще находятся в фазе накопления и систематизации. Данная работа и представляет собой новый шаг в осмыслении типологии художественных реалий русскоязычных писателей северной Азии последней четверти прошлого столетия (аганский хант Е.Д. Айпин, киргиз Ч.Т. Айтматов, тундровая ненка А.П. Неркаги), что было начато нами в ряде предыдущих публикаций [1], [2], [3], [4], [5].

Порядок держится на том, что всему приходит свой черед: рождению дня — наступлению ночи, приходу в этот мир — уходу в мир иной, слову — молчанию и т.д. Порядок — это понимание того, как надо жить, как надо умирать. И это понимание не есть прерогатива человека. Маленький мальчик в повести Е. Айпина «В тени старого кедра», представив картину произошедшей схватки лося и медведя, понял, про что думал смертельно раненый зверь: «Он лежал и чувствовал, как жизнь из него уходила в остывающую землю, в остывающую тайгу, в остывающие деревья и кусты. Он лежал неподвижно, и было ему покойно и хорошо оттого, что жизнь его возвращалась в ту землю, что родила и вскормила его. Он как бы уходил — и снова возвращался обратно. В одно и то же время и уходил, и возвращался. Поэтому лежал он покойно и неподвижно. Он лежал и ждал, когда жизнь его до последней капли уйдет в землю тайги и снова вернется в тайгу» [6; 180]. Порядок — это то, что осталось в прошлом, возможно, его реанимирует будущее. Рядом с тем, что олицетворяет порядок, в произведениях «онтологов» всегда либо стоит, либо предполагается глагол *было*.

Нарушение связей человека с природой, а значит, нарушение «должного», ведет к противостоянию всего всему, то есть к хаосу. Превращение хаоса в космос «составляет основной смысл мифологии, причем космос с самого начала включает ценностный, этический аспект» [7; 169]. Мифологическое сознание «онтологов» возвращает читателя к идеальным нормам, к идеям «должного», воплощением которых становится позитивный герой, его стержень — совесть. Изображение распавшегося или распадающегося единства людей, мира акцентирует мысль об усилении потребности в этом единстве, в «его спасительном восстановлении для рода человеческого» [8; 70]. Мысль о необходимости единения всего со всем рождается из противостояния легенды «об изначальном гармоническом устройстве природного миропорядка» и рассказе о «несовершенстве мира современного, утратившего изначальную гармонию» [9; 145]. Но противостояние это в произведениях Айпина и Неркаги не непоколебимо. В романах хантыйского писателя и повестях ненецкого прозаика отражен процесс сначала отторжения одного от другого, а затем медленного «втекания» одного в другое, что в определенной степени снимает в финалах эффект безнадежности и катастрофической безысходности.

В болью засевающую в сердце главного героя романа «Ханты, или Звезда Утренней Зари» реальность дозированно включаются легенда о Вверх Ушедшем Человеке, миф о возвращении ушедших из земной жизни мужчин в образе птичек, рассказы о Звездах Утренней и Вечерней Зари. К финалу романа у героя уже нет сомнений, что все лучшее позади, все ценности в далеком прошлом.

Кажется, что Демьяна поглощает ощущение бессилия, отчаяния, понимание бессмысленности противостояния набирающей силу земной «нечистоте». Герой теряет «надежду на завтрашний день» земной жизни, который утратил всякую цену после варварского убийства оленихи: «Стрела пронзила сердце (...) Она оставила в сердце пустоту, дырочку (...) Его охватил ужас, хотелось, чтобы кошмар немедленно умчал его в сторону предков, в Нижний мир (...) Все. Конец. Пеструху убили. Убили» [10; 416]. Пеструху именно «убили»: «Никто не отпелвал ее душу. Значит, случилось убийство (...) Демьян никогда не убивал оленя. Он всегда исполнял длинный старинный обряд возвращения души оленя какому-нибудь богу, обряд возвращения души оленя природе. Олень уходил, но душа его оставалась, и через некоторое время он снова приходил на землю в образе нового оленя. Конца не было, жизнь продолжалась...» [10; 416]. Веками существовавшие отношения олень-человек нарушены.

Герои Айпина и Неркаги (Демьян и Молчащий), осознанно отказываясь от «нечистой» земной реальности, верят и уповают на собственное возрождение и возрождение других. Смерть для них — шаг в настоящую истинную жизнь. Герой романа Айтматова «Плаха», несмотря на все аналогии с образом Христа, настойчиво продвигаясь к трагическому исходу судьбы, не думает о своей смерти как о возможности для других вернуться к «должному» бытию. Он пытается в плоскости реальной земной жизни обратить устремления человека к праведному, нравственному. По сути Путь, которым идет сам Авдий и на который собственным примером, поступком, словом стремится наставить других, — это тот же, что и у героев Айпина и Неркаги, Путь — от «нечистого» земного к праведному небесному. Со всеми героями, таким образом, (Демьян, Молчащий, Авдий) связана тема избранничества. Суть метаморфозы Молчащего определяет Тот, кто его избрал, чтобы напомнить о себе, ибо копиец «не знает Бога (...) В его сознании Бога нет, потому небо над ним пусто. Земля под ногами мертва» [11; 242]. От смерти к смерти все тяжелее становился «груз» Молчащего. И сбросить нельзя («нужно нести и нести» — [11; 269], и не позволено превозносить «меру своего терпения и тяжести креста» [11; 269] даже Избранному из Избранных, так как всегда он должен помнить о том «единственном, что на Голгофе» [11; 269], о Пути того, «кто был распят на кресте две тысячи лет назад» [11; 305].

В описании первой расправы над Молчащим акцентирован образ Отца, с просьбой о прощении к которому обращается в послесловии автор. Он единственный, кто может воскресить души и примирить всех со всеми. Его Пространство — Небо. И потому Вечный живительный Огонь Великого Терпения появился именно в «лоскуточке неба», в который «уперся» взглядом Молчащий, откуда исходило чудесное «голубое сияние», преображающее изуродованное тело героя. До появления этого небесного света Молчащий не проронил ни слова, обращенного к другим людям. Вместо слов — выражение глаз, мимика, жестикуляция. В славянской мифологии молчание выявляет «принадлежность того или иного существа к... сверхъестественным силам вообще. (...) Человек, отказывающийся от речи или же неспособный к ней, воспринимается как нечеловек, как “чужой”» [12; 265]. Вспомним историю происхождения и воспитания Молчащего, его изначально сложившиеся взаимоотношения со Скопищем, акценты на «нездешней красоте», «дивной его силе». Молчание — знак смерти.

В повести у Неркаги оно и знак жизни. Слово — следствие смерти. Чудо воскрешения героя рождает не просто Слово, а Слово, сопровождаемое жестом руки, устремленной вверх: «Смотрите! Смотрите! Вот он, видите!» [11; 282]. «В мифологических традициях, — отмечает К. А. Богданов, — семантическая связь зрения и говорения поддерживается общей для них символикой созидания, делания, порождения (...) глаз и свет оказываются такими же подателями жизни, как и опредмечивающее мир слово (...) связь зрения, слова и порождения выражается объединяющей их (и объединяемой ими) символикой огня» [13; 180, 181]. Голос никогда не говорившего, молчавшего многие годы существа «вынул» армию убогих скопийцев из домов-гробов, заставил их смотреть туда, где они должны были узреть чудо.

В мифологическом сознании переход от хаоса к космосу знаменует переход же (не противостояние) от тьмы и мрака к свету. Свет исходит сверху. Верх — сфера творения. В ненецких мифах и легендах нередко речь идет о некоем богоявлении с целью помочь людям. В центре таких мифов «путь высшего духа Нума, который начинается с небытия и завершается установлением нового миропорядка». Герои становятся «небесными вседержателями» созданного ими мира [14; 592, 593]. Мотив превращения, творения героя-человека в Бога — один из самых распространенных в ненецких сказаниях и легендах.

Для неправедных Авдий — «занятный субъект», «настоящий идиот», «чокнутый», «фанатик собственного идиотизма» и т.д. Неправедные, верша свой суд, забирающий у человека жизнь, ждут от наказуемого слов пощады, дабы возвысить себя, унижить его. Не произнес этих спасительных слов нещадно избиваемый Авдий, как не произнес их и тот, кто отважился противостоять неправедным две тысячи лет назад. Поэтому главы, в которых описаны избиение Авдия и события, происходившие в Иерусалиме, расположены в романе рядом: «И тогда тоже, кстати, была пятница, и тот, кто мог спастись, тоже не догадался ради своего спасения сказать в свою пользу двух слов...» [15; 122].

Избранность Авдия заключается и в том, что он не просто, как многие, обладал богатым воображением и мог одновременно «жить мысленно разом в нескольких временных воплощениях, разделенных порой столетиями и тысячелетиями», но он «тот, для кого события минувшего так же близки, как сиюминутная действительность, тот, кто переживает былое как свое кровное, как свою судьбу» [15; 149]. Он тот, кто вслед за Учителем понимает, что «добро и зло передаются из поколения в поколение в нескончаемости памяти, в нескончаемости времени и пространства человеческого мира» [15; 149]. Он тот, кому «дано было проникнуть в минувшее как в данность, в суть тех событий, что были до него» [15; 152]. Жажда противостоять несправедливости как-то естественно переместила героя Айтматова в тревожные дни жизни Иерусалима. Гонимый безбожниками, чудом вернувшийся к жизни, Авдий, попав в Иерусалим, поглощен идеей спасения Учителя, ибо, спасая его в том далеком прошлом, он мог бы восстановить справедливость в сегодняшнем мире, оградить его от зла: «сегодняшние знают, что произошло вчера, а завтра сегодняшние станут вчерашними» [15; 149]. Все взаимосвязано. Осознание этого помогает выживать.

Способность проникать в другие времена — характерная черта и героев Айпина. В повести «Я слушаю Землю» Роман, вспоминая детство, замечает о себе и деде, которого никогда не видел: «...мне стало казаться, будто я видел

его, будто жил с ним когда-то рядом. Мне казалось: я и он — это один человек. Ведь я помню тяжесть и стройный и холодный блеск острия его копья. Я вместе с ним вступал в единоборство с медведем. В стужу и в зной вместе с ним я пробирался по тропам родной Земли. По большим и малым рекам и озерам» [6; 188]. Вообще для героев Айпина всегда важно ощущение пространства и себя в нем. Это может быть пространство реальное или созданное воображением, пространство мысли или территории, оно почти всегда беспредельно, «связь» с ним «неразрывна». При встрече с песчаными озерками, сохранившими еще следы жизни предков Демьяна, герой ощутил, как эта небольшая территория вобрала в себя и лес, и небо, и луну, и звезды: «И эта связь, и это пространство со всем, что в нем есть, словно родник, питало его чем-то живительным (...) Он чувствовал себя частью этого беспредельного пространства» [10; 288].

Пространство — категория вполне предметная для героев романа Айпина. Возвращаясь в День Безумия, когда «потерял ощущение времени и пространства» [10; 371], к разговору с Микулем о «таинственной линии», Демьян вспоминает, как удивили его картины Геннадия Райшева, особенно одна, на которой было изображено «белое пространство». На трех страницах текста автором описываются прочтение, ощущение и мысли Демьяна, созерцающего полотно «мастера». Один сделал лишь три мазка, а другой и увидел, и услышал, и заново пережил ощущения детства, и пропутешествовал по «тропам многих мыслей» художника, и еще раз убедился в том, как сложна и одновременно проста жизнь, которой, как и мысли, нет предела. Потому герою Айпина не надо преодолевать трудно преодолимые преграды, чтобы оказаться в прошлом. Потому, размышляя о связи с человечеством, Демьян понимает, что «он погиб вместе с двумя братьями под Москвой в сорок втором году. Его вместе с младшим братом разорвал шальной снаряд на берегу озера Балатон в Венгрии в сорок пятом году. Пуля, что вошла в грудь отца в Берлине в апреле сорок пятого, прошла и по его сердцу. Он четырежды убит вместе с отцом и братьями и многожды — вместе с другими родственниками» [10; 197].

Герои Айпина и Неркаги добровольно, осознанно принимают смерть, так как она — не конец, она — начало новой жизни. Авдий не хочет умирать, неистово сопротивляется смертоносным ударам наркоманов. Цель его выживания — не месть обидчикам. Он понимает: умрет он, умрет его дело. И он, как айпинский Демьян, думает об утре новой жизни, которое наступит только тогда, когда он будет еще реально дееспособен. Герой рад, что он «жив и может передвигаться, пусть ползком, слышит и видит (...) и будет ползти, пока хватит сил, — ведь скоро рассветет и настанет утро, и снова начнется жизнь... И тогда он придумает, что ему делать, надо лишь как-то встать на ноги...» [10; 148].

Попытки Авдия защитить Учителя в Иерусалиме не увенчались успехом. Его никто не услышал, никто не замечал его присутствия: «Ведь ему еще предстояло родиться в далеком двадцатом веке» [15; 156]. Но и в двадцатом веке слушающие его не понимают, не принимают. А Авдий, как и Молчащий, жаждет быть услышанным. Слово героя Неркаги — одна фраза, один призыв посмотреть вверх и увидеть Его. Герой Айтматова говорит много, со многими, говорит об истинной вере, о необходимости бороться со злом, о возможности каждого прийти к покаянию. По сути оба героя взывают к одному — Богу и добру. Оба обладают, как избранные, колоссальным терпением, духовным

и физическим, оба перешагивают через унижения, расправы, насмешки. Воскресая, каждый с еще большим усердием противостоит злу, утверждая свою, но по сути всеобщую правду. В повести Неркаги лишь маленькая кучка скопийцев отреагировала на слова Молчащего. Превратившись в детей, эти немногие стали единым целым — одно на всех дыхание, одно зрение, один слух, одни желания. Они, как дети, пока не знают, «где их путь. Где дом, где прошлое (...) где будущее (...) Где смысл, где радость, где смерть и где жизнь. Будто они родились миг назад, и ничто неведомо им» [11; 304]. Преодолев смерть собственной смерти (постоянные сравнения скопийцев с трупами и мертвецами), смерть смертей Молчащего, они «встали (...) как бы в начале пути (...) в распахнушемся сознании каждого прошла сиятельная тень Божественного Отца (...) так, пройдя тяжелый, мучительный путь, припадаем мы к отчому порогу, не имея сил переступить его» [11; 305].

Не сочувствия, но понимания жаждут Молчащий и Авдий. Героя Неркаги услышали в ином по отношению ко времени Авдия измерении. Это то завтрашнее, которое наступило после безрассудного сегодняшнего, оторвавшегося от вчерашнего. Соучастия герой Айтматова дождался только от волчицы Акбары, понимания и поддержки — от возлюбленной. Она даже на расстоянии «оживляла и воскрешала его для повседневного бытия» [15; 35]. Неслучайны в романе сравнения героини с Богородицей. Ингу Федоровну, к которой Авдий пришел через испытание, он воспринимал как «дар судьбы», как «самого близкого человека»: «ведь она, подобно реке, оживляла и воскрешала его для повседневного бытия» [15; 35]. Необычное (посредством писем) общение с ней было неким «беспрерывным излучением во времени и пространстве его страждущей души» [15; 35]. Чувства к ней открывали ему «благость слияния с богом». И воспринимал он ее как «богиню» в современном обличье. Он, рано почувствовавший себя чужим среди своих, именно в Инге Федоровне (с «лицом монахини») обрел спутника.

Герои-избранники, жаждущие порядка, убеждены, что окружающий их мир — хаос, что их взаимоотношения с этим миром находятся в стадии противостояния и что Путь исправления этого хаоса — один: установление с ним связи. Противостояние по сути становится основой творения, творения взаимопонимания, взаимодобродетели, творения «должного» бытия. Герой Айпина постоянно думает о необходимости сохранения связи каждого со всем миром, Вселенной. Он констатирует: нить, соединяющая то, что обеспечивает стабильность и беспредельность жизни, либо истончается, либо обрывается. А это приводит к вторжению и укреплению в «своем» пространстве Безумного Времени: «одна потеря вызовет другую, другая — третью, третья — четвертую... И так пойдет по цепочке» [10; 348]. Так приходит конец, конец всему: песне, сказке, празднику, роду, дому, Земле, жизни. Стрела времени, под прицелом которой постоянно ощущал себя Демьян, двигаясь по направлению к сердцу героя, отсекала одно за другим звенья линии жизни, линии, связывающей его с миром. Боль (физическая и нравственная) сопровождает путь всех героев-избранников. Боль — знак жизни. Человек жив, пока чувствует боль, прежде всего, своей земли, своего народа. Цикл лесного ненца Ю. Вэллы «Лесные боли» завершают слова: «Человек жив, пока чувствует на душе боль. Душевная боль передается по наследству. Наследственная боль — это и есть та нить, которая связывает

человека с родиной. Перестанет болеть душа, значит нет твоей родины» [16; 91]. Связь для Демьяна — это суть бытия земного и внеземного, это ядро модели мира, принимаемого им и принимающего его.

Герой Айтматова, внедряясь в мир наркоманов, осознанно подвергая себя смертельной опасности, пытается обратить в веру безбожника, в порядок — беспредел. За эту попытку он, как Молчащий и Демьян, заплатил собственной жизнью. Но его жертва никого не привела к покаянию, ни в ком не отозвалась желанием начать «жить сызнова» или хотя бы задуматься об этой возможности. Ценой подвижнической деятельности всех героев, пытающихся соединить концы оборванной нити «должного» бытия, становится их жизнь. Произведения Айпина и Неркаги при всем их трагическом финале утверждают бессмысленность этой жертвы. В романе Айтматова позитивная установка на будущее чрезвычайно призрачна, финал оставляет двойственное впечатление. Текст заканчивается описанием состояния героя (Бостона), во многом схожего с Авдием, реально, физически потерявшего свое будущее (маленького сына). И его попытки наладить животворящую связь с убогим миром обернулись потерями, которые вряд ли приведут к праведной жизни: «А синяя крутизна Иссык-Куля все приближалась, ему хотелось раствориться в ней, исчезнуть — и хотелось и не хотелось жить. Вот как эти буруны — волна вскипает, исчезает и снова возрождается сама из себя» [15; 284]. Абсолютная безнадежность все-таки снимается образом волн: умирает одна, но за ней идет другая, которая, возвращаясь, стремится погасить следующую. Иногда ей удается это сделать, иногда нет, и тогда ничто не может остановить новую, полную силы и мощи волну.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лагунова О.К. Научные версии литературного творчества коренных малочисленных народов севера Западной Сибири // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. № 1. Серия «Филология». С. 60-68.
2. Лагунова О.К. Онтологические повести В. Распутина и А. Неркаги: национальная идентичность и проблемы типологии // Проблемы национальной идентичности в русской литературе XX века: коллективная монография / Науч. ред. Т.Л. Рыбальченко. Томск, 2011. С. 109-124.
3. Лагунова О.К. «Прощание с Матерой» В.Г. Распутина и «Молчащий» А.П. Неркаги // Русский мир в отечественной литературе: этнофилологический аспект: коллективная монография / Под ред. С.А. Комарова. Ишим, 2011. С. 202-215.
4. Лагунова О.К. «Последний срок» В.Г. Распутина и «Анико из рода Ного» А.П. Неркаги // Русский мир в отечественной литературе: этнофилологический аспект: коллективная монография / Под ред. С.А. Комарова. Ишим, 2011. С. 272-284.
5. Комаров С.А., Лагунова О.К. В.Г. Распутин как экограф («Откуда есть-пошли мои книги») // Время и творчество Валентина Распутина. Иркутск, 2012. С. 90-96.
6. Айпин Е.Д. В тени старого кедра // Айпин Е.Д. В тени старого кедра: Повести. Свердловск, 1986. С. 130-186.
7. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1976.
8. Карякин Ю.Ф. Самообман Раскольников. М., 1976.
9. Белая Г.А. Художественный мир современной прозы. М., 1983.
10. Айпин Е.Д. Ханты, или Звезда Утренней Зари // Айпин Е.Д. Клятвopеступник. М., 1995. С. 175-423.
11. Неркаги А.П. Молчащий: Повести. Тюмень, 1996.
12. Агапкина Т.А. Молчание // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 265-267.

13. Богданов К.А. Очерки по антропологии молчания. *Homo Tacens*. СПб., 1997.
14. Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.
15. Айтматов Ч.Т. Плаха. Алма-Ата, 1988.
16. Вэлла Ю.К. Белые крики: Книга о вечном. Сургут, 2000.

REFERENCES

1. Lagunova, O.K. Academic Versions of Literary Writings of Small Indigenous Ethnic Groups of the North of Western Siberia. *Vestnik Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta — Tyumen State University Herald*. 2011. № 1. Series «Philology». Pp. 60-68. (in Russian).
2. Lagunova, O.K. Ontological narrative of V. Rasputin and A. Nerkagi: National Identity and the Problem of Typology / In: *Problemy natsional'noi identichnosti v russkoi literature XX veka: kollektivnaia monografiia* [The Problems of National Identity in Russian Literature of the 20th Century: a multi-authored monograph] / Ed. T.L. Rybal'chenko. Tomsk, 2011. Pp. 109-124. (in Russian).
3. Lagunova, O.K. V.G. Rasputin's 'Farewell to Matyora' and A.P. Nerkagi's 'The Silent One' / In: *Russkii mir v otechestvennoi literature: etnofilologicheskii aspekt: kollektivnaia monografiia* [The Russian World in Russian National Literature: Ethnophilological Aspect: a multi-authored monograph] / Ed. by S.A. Komarov. Ishim, 2011. Pp. 202-215. (in Russian).
4. Lagunova, O.K. V.G. Rasputin's 'The Last Term' and A.P. Nerkagi's 'Aniko of the Nogo Tribe' / In: *Russkii mir v otechestvennoi literature: etnofilologicheskii aspekt: kollektivnaia monografiia* [The Russian World in Russian National Literature: Ethnophilological Aspect: a multi-authored monograph] / Ed. by S.A. Komarov. Ishim, 2011. Pp. 272-284. (in Russian).
5. Komarov, S.A., Lagunova, O.K. V.G. Rasputin as an Ecographer: 'From Whence My Books Came to Be' / In: *Vremya i tvorchestvo Valentina Rasputina* [The Time and Writings of Valentin Rasputin]. Irkutsk, 2012. Pp. 90-96. (in Russian).
6. Aipin, Ye. D. In the Shadow of an Old Cedar / In: Yeremei D. Aipin. *V teni starogo kedra* [In the Shadow of an Old Cedar: long short stories]. Sverdlovsk, 1986. Pp. 130-186. (in Russian).
7. Meletinskii, E.M. *Poetika mifa* [The Poetics of Myth]. Moscow, 1976. (in Russian).
8. Karyakin, Yu.F. *Samoobman Raskolnikova* [Raskolnikov's Self-Deceit]. Moscow, 1976. (in Russian).
9. Belaya, G.G. *Khudozhestvennyi mir sovremennoi prozy* [The Imaginative World of Modern Prose]. Moscow, 1983. (in Russian).
10. Aipin, Ye.D. The Khanty, or the Morning Star / In: Yeremei D. Aipin. *Klyatvoprestupnik* [The Oath-Breaker]. Moscow, 1995. Pp. 175-423. (in Russian).
11. Nerkagi, A.P. The Silent One / In: Anna P. Nerkagi. *Molchashhii* [The Silent One: long short stories]. Tyumen, 1996. (in Russian).
12. Agapkina, T.A. Silence / In: *Slavianskaia mifologiya. Entsiklopedicheskii slovar'* [Slavic Mythology: an encyclopaedic dictionary]. Moscow, 1995. Pp. 265-267. (in Russian).
13. Bogdanov, K.A. *Ocherki po antropologii molchaniia. Homo Tacens* [Essays on the Anthropology of Silence: Homo Tacens]. St-Petersburg, 1997. (in Russian).
14. Golovnev, A.V. *Govoriashchie kul'tury: traditsii samoditsev i ugrov* [The Speaking Cultures: Traditions of Samoyedic and Ugric peoples]. Ekaterinburg, 1995.
15. Aitmatov, Ch.T. *Plakha* [The Scaffold]. Almaty, 1988. (in Russian).
16. Vella, Yu.K. *Belye kriki: kniga o vechnom* [White Calls: A Book of the Eternal]. Surgut, 2000. (in Russian).

Автор публикации

Лагунова Ольга Константиновна — профессор кафедры русской литературы Института филологии и журналистики Тюменского государственного университета, доктор филологических наук

Author of the publication

Olga K. Lagunova — Dr. Sci. (Philol.), Professor, Russian Literature Department, Institute for Philology and Journalism, Tyumen State University